

18+

ВЕДЯ И ХАКА
ТВОРЯТ



ДОБРО

ПАВЕЛ КОПТЯЕВ

Павел Коптяев

Ведя и Хака творят добро

«Издательские решения»

Коптяев П.

Ведя и Хака творят добро / П. Коптяев — «Издательские решения»,

Парочке слишком креативных школьных хулиганов грозит исключение из школы. Чтобы избежать краха своих мечт, они решают совершать добрые дела. И женят слишком стеснительных педагогов. При помощи краж и шантажа. Все счастливы. Ни одна лягушка не пострадала.

Содержание

Павел Коптяев	6
ВЕДЯ И ХАКА ТВОРЯТ ДОБРО	7
Мини-повесть	7
Пролог	8
Глава первая. Здравсьте	9
Глава вторая. Как мы во все это вляпались	11
Глава третья. УчительскаяЯ наносит ответный удар	13
Глава четвертая. Как мы про добро думали	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Веда и Хака творят добро

Павел Коптяев

© Павел Коптяев, 2026

ISBN 978-5-0070-3089-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Коптяев

ВЕДЯ И ХАКА ТВОРЯТ ДОБРО

Мини-повесть

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!
ШКОЛЬНИКАМ ЧИТАТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!**

Пролог

О стекло нашего класса билась оса. Она, как и мы, так хотела вырваться с очередного урока этой душницы — нашей Общественницы... Но не смогла. Выбилась из сил. Упала на подоконник. И умерла. А мы нет...

Глава первая. Здравсьте

Веда — это я. Вон она я. На фотографии из полиции. С ростомером. Видите — в руках табличка «Прокудина Мария Львовна». Зачем табличка? Это чтобы я не забыла — как меня зовут.

Я тогда была как все. Волосы черные и вся в черном. В черной юбке. В черной футболке с надписью «и будет вам счастье» и химической формулой. Что за формула? Гормон радости и счастья. Это не то, что вы подумали. Это серотонин. Что такое серотонин? Это гормон такой. Нейромедиатор 5-гидрокситриптамин, 5-НТ. Короче, не отвлекайтесь. Потом погуглите, что это за ништяк. На ногах — тяжелые ботинки с толстой подошвой. В ноздре пирсинг.

Да вовсе я не толстая. Я — плотного телосложения. Так в полицейском протоколе и написано.

А Ведей меня прозвали за то, что я обожаю варить всякие зелья. Я ведьма. Да-да. Настоящая. У меня и бабушка ведьма. Какие зелья? Не бойтесь, не яды. Моя мама умерла от рака. Поэтому уже в школе я хотела стать фармацевтом и создать лекарство от рака.

Ну и Нобелевскую премию получить. Представляете — филармония Стокгольма. Звучит «Ода к радости» Бетховена. Не, это не реп и не рок. Это круче. Вот свожу я вас в филармонию — будете знать, что это такое. Так вот. Стою я на сцене в вечернем платье, и король Швеции тоже на ней стоит. Диктор объявляет:

— Нобелевскую премию по химии получает Мария Прокудина!

И король Швеции вручает мне диплом нобелевского лауреата и вешает на шею медаль. Бурные аплодисменты. И король Швеции такой:

— Мария, вы такая потрясная!

А в зале сидит моя мама и утирает слезы платочком. Хорошо, хорошо. Не буду плакать.

Ну так вот. Рядом со мной на этой фотографии с ростомером стоит Хака. Видите, у него в руках табличка «Смирнов Валерий Ипполитович». Худющий, в очёчках. Сразу видно — умный и интеллигентный.

Почему Хака? Это от слова «хакер». Кто такой хакер? Ну это... Тот, кто в компах хорошо разбирается. Его так прозвали, когда он контру по информатике аннулировал.

Зачем аннулировал? Хотел доказать, что у нас в школе все компьютеры с их интернетом допотопные. И уроки скучные. Прямо как для шкетов-малюток. И вот когда все зашли в класс, Хака вышел из засады. Подошел к дверям класса. Достал из кармана кусачки. Оглянулся. И перекусил провод, по которому интернет идет. И гордо вошел в класс. А наш Информатик, Евгений Георгиевич... Кстати, очень хороший учитель... Ему и говорит:

— Какая удача: сам Смирнов на урок пожаловал...

А потом он включил комп... А интернета и нету. Информатик сразу:

— Оп-па, а что у нас с интернетом?

Сразу догадался — чьих рук это дело. И как закричит:

— Смирнов!

Так громко кричал, что нам сразу поставили новое оборудование. И никакой контрольной! Победа! Там-та-там!

О чем Хака мечтал, когда в школе учился? О том, о чем и сейчас. Чтобы в нашем кабинете информатики его портрет висел. И в кабинете Била Гейтса тоже. И Цукерберга. В общем — чтобы быть самым великим программистом. Ну прямо чтоб у него над головой нимб светился.

Кто это на фото? А, это Бабуля. Даже в полиции без нее не обошлось. Да, совершенно не изменилась. Все такая же знойная брюнетка с кокетливой прической. Полковник сказал про нее:

— Очень даже сохранившаяся дама раннего пенсионного возраста.

Какой полковник? Об этом позже. Почему хорошо сохранилась? Так ведь она — тоже потомственная ведьма. Бабуля была фармацевтом, потом вышла на пенсию. Но ведьмой все равно осталась. Все также варит всякие зелья. Как и я. А еще раскладывает пасьянсы и гадает на картах. Тогда она все на меня гадала. И все бурчала «Опять у нее выпадают бесконечные проказы и сплошная любовь. Когда, наконец, ей карта ума ляжет?». А зачем, спрашивается, еще ума, если у меня имеющиеся мозги в голове не помещаются?

Как мы подружились с Хакой? При помощи химии и информатики. Ну как-как. Да вот так. Однажды я изобрела двойковыводитель. Ну, это зелье такое. Поливаешь им страницу в дневнике. Шипение, дым — и нет никакой двойки. Не, дневник цел. Только страница, где была двойка, исчезла. Совсем.

А Хака, гад такой, подсмотрел, как я двойку вывожу, снял на веб-камеру и пообещал показать учителям, если я его не... Ну чего-чего. Не важно чего. А я обругала его нехорошими словами... Какими-какими. Неважно какими. А потом взяла учебник по информатике и колотила его по голове, пока он не удалил эту свою запись. Вот так мы и подружились. Хоть он и тощий.

Да. Да. Наверное, именно из-за этой процедуры с учебником Хака так в компах круто шарит. И предки у Хаки крутые программисты. Даже слишком. Они Хакин комп из дома выгнали. Сказали, что видеть компы больше не могут. Они их на работе достали. И вообще от них вирусы.

И вот однажды сижу я дома. Раздается звонок в дверь. Открываю. Хака. Стоит, прижимает к груди коробку со своим компом. И говорит:

— Пусть он у тебя пока поживет.

А я ему чего? А я ему:

— Ладно. Давай.

Взяла я эту его коробку. Он мне:

— Можно, я буду заходить? Если чего?

А я ему чего? А я ему:

— Ну ладно. Заходи. Если чего.

Отнесла я эту коробку в мою комнату. Да, она же лаборатория. Потеснила пробирки с колбами. Поставила комп. И Хака стал ко мне заходить, в своем любимчике копать. И я рядом со своими опытами. Тут мы уже совсем подружились.

Но давайте начнем про наши приключения.

Глава вторая. Как мы во все это вляпались

Итак, начнем. С самого начала? Хорошо.

Когда я родилась, то сразу заорала и начала кулаками махать. Врач посмотрел на меня и говорит:

— Экая она у вас хулиганка.

Прямо ясновидец оказался.

Чего? Не настолько сначала. Хорошо.

Учились мы тогда в десятом классе. Я и Хака сидели за одной партой. Естественно, за самой-самой последней.

И вот сидим мы на уроке обществознания. Спим.

Почему спим? Потому что учительница обществознания сидит за столом и монотонно бубнит:

— Поведение добропорядочного человека можно определить как обычное, нормальное, хорошее. Его называют правомерным. А как назвать поведение, не соответствующее требованиям права? Неправомерным, противоправным. Правонарушение — это неправомерное общественно вредное деяние, за которое предусмотрена ответственность. Прежде всего, правонарушение — это всегда деяние. В переводе с языка юристов это слово означает действие...

Я же говорю, что наша Обществознайка — душнила редкостная.

И вот мы спали-спали на ее уроках. И тут вдруг бац — контра по общаге. И мы начали к ней готовиться. Ага, прям щас — учебник читать. Казуистику всякую зубрить. Долой примитивы! Мы сделали лучше. Взяли сачки для ловли бабочек, банку, и пошли на ближайший луг ловить... Нет, не бабочек. Они нам ни к чему. Мы наловили целую банку ос! Зачем? А вот зачем.

Накануне контрольной я притащила банку с осами в класс. А Хака — свой дрон. Он у него с планшета управляется. На нем веб-камера. С такой штукой в шпионы принимают. Если бы он еще не жужжал... Но зря мы, что ли, ос ловили.

И вот Обществознайка вызывает к доске Борьку Дерябина. И говорит:

— Дерябин, расскажи нам — что такое правонарушение.

А Борька — он сильно заикался. А тут стока букв надо выговорить. Ну дак, я и говорю, что Обществознайка — еще та садистка. И вот Борька стоит у доски, мучается.

— П-п-п-прав-в-в-веведы оп-п-п-п-ределяют п-п-п-п-равонарушение ка-а-а-к...

Обществознайка слушала-слушала, и сказала:

— Пока ты мямлишь, Дерябин, я сто раз успею электронный журнал заполнить.

И не говорите — ей самой скучно от своей абракадабры. Садится, значит, она за свой стол, к своему компьютеру. А Борька все мямлит.

— ...неп-а-а-равом-м-м-ерное обществ-в-в-енно в-в-вредное деяние, за кот-т-торое п-п-предусмотрена ответствен-н-ность.

Самый момент, чтобы пароль к журналу узнать. Хака и шепчет мне:

— Полетели...

Достал из-под парты планшет. А я — банку с осами. Открыла ее. Осы разлетелись по всему классу. Жужжат, как реактивный двигатель.

Все прикрываются от ос, руками машут. Шум, гам, тарарам. Только Обществознайка сидит, как сидела. Прям робот какой-то. И не замечает, что со шкафа за ее спиной взлетел Хакин дрон и завис над клавиатурой учительского компьютера. Из-за налета ос на него никто ноль внимания.

Пока наша горе-учителка пароль к журналу набирала, Хака через веб-камеру этот пароль и срисовал.

— Затащено, — говорит, — Возврат на базу.

И отправил дрон обратно на шкаф.

Вот так мы к контрольной и подготовились.

Осы? А что осы? Мы окно открыли — он и улетели. Кроме одной.

Па-па-пам. Пришел день и час контры! Общественная своим замогильным голосом:

— Убрали учебники. Достали лист бумаги...

Тут мы с Хакой ныряем под парту, надеваем противогазы, я достаю колбу с насаженным газовым распылителем, начинаю распылять газ. Все засыпают. А оставшаяся оса грохнулась на подоконник. А мы-то в противогазах! Мы не дремлем!

Где я взяла газ? Сама сделала.

Хака подошел к столу учителя, набрал пароль к электронному журналу и поставил всему классу пятерки за контрольную.

Вот этот-то эпизод нашей биографии и стал той последней каплей, которая ввергла нас в пучину добрых дел.

Глава третья. Учительская наносит ответный удар

Общественная, как только очухалась, побежала к директорше. Рыдает, руки заламывает, будто мы у нее кошелек украли. Кричит:

— Ну не могла я... не могла... всем пятерки поставить... Я вообще никогда никому пятерки не ставлю.

Вот это истинная правда — никогда никому. Жадина. А я и Хака у директорши давно под колпаком. Сразу:

— Все ясно. Смирнов и Прокудина. Ко мне!

И вот вводят нас в учительскую, как на суд. Под конвоем.

Справа, на месте прокурора, общественная. В центре, как судьи, директорша с завучами.

Слева учителя. Типа присяжные.

Ну, чувствую, сейчас начнется. Крик, стук кулаком по столу, «родителей вызовем». В общем, все как всегда.

А вот и нет.

Директриса так спокойно смотрит на нас и говорит:

— Хотите, чтобы мы вас из школы выгнали?

Тут-то у меня в голове симфония номер пять Бетховена и заиграла. Что за симфония? Ну, это где как будто в твою дверь зомби стучатся. Не, я вас точно в филармонию свожу.

Ну конечно же, я испугалась. Ведь если нас из школы исключат, то не видать нам с Хакой никого университета. И не будем мы никакими фармацевтами и программистами, а будем тротуары подметать. С шорохом.

И, главное, я прям вижу, как стою на сцене Стокгольмской филармонии, подходит ко мне король Швеции и говорит:

— Мария, вы такая потрясная... Дура.

А у Хаки в этот момент в голове со стен его портреты падают. Со страшным грохотом. Сначала в нашем кабинете информатики, потом в кабинете Била Гейтса. Потом в кабинете Цукерберга.

Спасла нас Химичка, Ирина Владимировна. Она у нас химию ведет и еще биологию. Она офигенно клёвая учительница. И человек нормальный. Такая вся тургеневская барышня с огромными глазами, в огромных очках. И говорит всегда так, как будто стихи читает. Ничего не поделаешь — интеллигентка в третьем поколении. Я ее очень люблю и уважаю. Ну а если я ее люблю, то и Хака ее любит. Хотя ему до всяких гидроксидов и инфузорий дальше, чем до физкультуры.

Так вот она и говорит:

— Ну что же вы так, Маша, Валера? Вы же очень талантливые ребята.

Ух ты, думаю. А может и правда? А она дальше:

— Вашу бы энергию да на добрые дела...

Мы с Хакой не знали, что такое добрые дела, но переглянулись, и решили, что раз уж я хочу поступить на фармацевта, а Хака на программиста, то... Повернулись к директорше и как заорем хором:

— Не выгоняйте нас! Пожалуйста!

Директриса посмотрела на присяжных... в смысле — на учителей. Информатик и химичка ей кивают-кивают.

И тогда она говорит:

— Вы слышали, что сказала Ирина Владимировна? Или делайте, как она сказала, или не видать вам никакого университета.

Учтите! Выкинете еще один... фокус... и все!

А мы сразу:

— Мы постараемся. Мы больше не будем. Мы добрые дела делать будем!

Ну и началось.

Глава четвертая. Как мы про добро думали

Пошли мы ко мне домой. Думать — как творить добрые дела.

На этот раз Бабуля сидела в гостинной, пасьянс раскладывала. Пришлось мне ей Хаку демонстрировать.

— Привет, — говорю, — Бабуля. Это Хака.

Бабуля сразу оживилась, принялась прическу поправлять. Типа подкатывать.

— Очень приятно познакомиться, юноша.

А Хака засмутился, будто она его сейчас под венец поведет. Ну я сразу точки над ё расставляю.

— Так, Бабуля, давай без эксцессов. Мы с ним на одной парте сидим.

У Бабули сразу такое лицо стало, будто она бездомного котенка увидела.

— Бедняжка, — говорит.

А я ей:

— Только не начинай ему рассказывать про мою тяжелую судьбу.

Тут бабуля давай сразу ехидничать.

— А я не про тебя. Я про молодого человека. Сидеть с тобой за одной партой — это...

Но я же знаю, чего она сейчас начнет — про мои хулиганские эксцессы рассказывать.

Прям с пеленок. А это надолго. Ну если бабуля ко мне с мечом, то и я ее тоже.

— Хорош, — говорю, — Бабуля, у меня кавалеров отбивать.

Ну, Бабуля похихикала, потом как всегда. Вечно она про одно и то же:

— Есть хотите?

А я ей:

— Бабуль, мы только что с кухни.

Следующий пункт ее анкеты:

— Уроки сделала?

Что я маленькая, что ли?

— Я их месяц назад сделала.

— Ну тогда можешь идти к своим пробиркам.

Фу-у-у, допрос закончен.

Наконец-то пошли мы с Хакой про добрые дела придумывать. Как это чего там придумывать? Вот что такое добрые дела? То-то и оно, это оно... это... как бы... Вот и мы без всякого понятия.

Полез Хака гуглить. Читает:

— Добро — нормативно-оценочная категория морального сознания, характеризующая положительные нравственные ценности. Добро — действия, приносящие счастье и не причиняющие никому вреда, ущерба, боли, страданий.

Шиза какая. Много букв. Ни асила. Мы и так никому ничего плохого не сделали. Эти ученые — типа зашибись какие умные. «Действия, приносящие счастье».

— Конкретнее, — говорю, — есть?

Хака опять в свой комп лезет.

— Вот, — говорит, — не от ученых. В Евангелии добро — это дела милосердия: накормить голодного...

— Ты что — есть хочешь?

— Нет.

— Давай дальше.

— ...принять странника...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.